

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.133.109+929

«ДЬЯВОЛЬСКИЙ ЖАРГОН ФРАНЦУЗСКИХ ПРЕЦИОЗНИЦ»: К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ БАРОККО

А. В. Голубков

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Москва; Российский государственный гуманитарный университет, Москва

E-mail: andreygolubkov@mail.ru

В статье анализируются особенности языка французских прециозниц, представленного в художественной прозе середины XVII в. (Ж.-Б. Мольер, А. Бодо де Сомез). Характерное увлечение перифразами связывается с особенностями женского образования, а также с ориентацией на теорию метафоры, разработанную Аристотелем и популяризованную в трактатах барокко конца XVI – начала XVII вв.

Ключевые слова: барокко, прециозная литература, метафора, остроумие, Аристотель, Э. Тезауро.

«**Diabolic Parlance of French Precieuses**»: to the Issue of the Baroque Linguistic Strategies

A. V. Golubkov

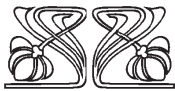
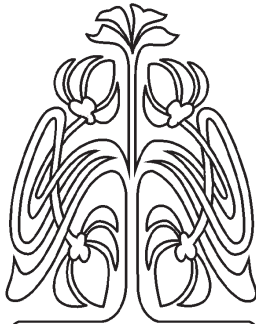
The article analyzes the peculiar language of the French precieuses presented in the prose of the middle of the XVIIth century (Jean Baptiste Moliere, A. Baudeau de Somaize). The characteristic fascination with periphrasis is associated with the specific features of women's education and with the emphasis on the metaphor theory which was developed by Aristotle and popularized in Baroque treatises of the end of the XVIth – the beginning of the XVIIth centuries.

Key words: Baroque, precieuse literature, metaphor, wit, Aristotle, E. Tesaurus.

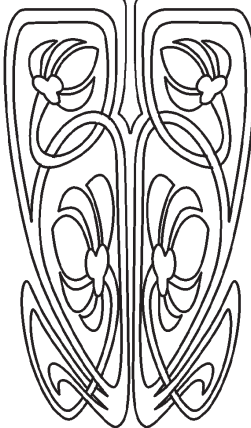
DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-54-57

В пьесе Мольера «Смешные жеманницы» (более правильно – «Смешные прециозницы», «Les précieuses ridicules», 1659) даны уникальные примеры языкового узуса светских дам середины XVII в., которые, собственно, и были в это время названы «прециозницами». Мадлон и Като, две главные героини пьесы (их прототипами, очевидно, послужили Мадлена де Скюдери и Екатерина де Рамбуйе – хозяйки двух самых известных парижских салонов того времени), шокируют Горжибюса (отца Мадлон и хозяина дома, где они все проживают) изысканными выражениями типа «удобства собеседования» и «наперсник Граций» (имеются в виду кресла и зеркало). В вышедшем в 1661 г. «Большом словаре прециозниц» («Le grand dictionnaire des précieuses») Антуан Бодо де Сомез уже представил внушительное количество бытовавших в свете прециозных перифразов (среди наиболее известных – использование оборота «ощутить рикошет любовного дозволения» вместо глагола «рожать»).

В отечественном дискурсе о литературе прециозные эксперименты традиционно воспринимались в качестве одного из изводов барокко (не будем при этом забывать, что сами термины «прециозная поэзия» или «прециозный язык» возникли уже в самой культуре XVII в., в то время как термин «барокко» в качестве характеристики эпохи был концептуализирован много позднее). Так, М. В. Разумовская писала: «Одной из разновидностей французской литературы барокко стала прециозная литература. Прециозность (от французского “précieux” – драгоценный, изысканный) – особое, чисто французское культурно-бытовое явление, которое выражало особое мировосприятие и проявилось как в отношениях социальных, так и в свое-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

образном подходе к литературе и языку. В момент своего возникновения прециозность представляла попытку противопоставить грубости нравов, поведения, языка, оставшихся в наследие от периода войн и неупорядоченности общественной жизни, изысканность, изящество, утонченность чувств и их выражения¹. Собственно, эти положения являются развитием мыслей С. С. Мокульского, который в академической «Истории французской литературы» еще в 1946 г. утверждал: «... прециозная литература стилистически родственна изобразительному искусству барокко и может быть подведена под эту стилистическую категорию вместе с аналогичными явлениями в литературе Италии (маринизм), Испании (гонгоризм), Германии (поэзия “второй силезской школы”) и Англии (“метафизическая школа” и отчасти – более ранний эвфуизм). Во всех перечисленных литературных течениях имеется ряд общих черт, противопоставляющих их, с одной стороны, – искусству Ренессанса, а с другой стороны – искусству классицизма»².

Действительно, Сомез при составлении своего «Словаря» мог ориентироваться на достаточно известный памятник испанской литературы – антигонгористский памфлет Франсиско де Кеведо «Культистская лагиноболтовня» (или «Латинокультурная тарабарщина», «*La culta latiniparla*», 1624), в котором специальный раздел «Чепухарь» посвящён разьяснению наиболее ярких образцов салонного женского (культурного) словоупотребления (заметим, Кеведо не систематизирует выражения в виде словаря): «Мужа своего – из отвращения, вызываемого этим словом, – она должна называть “мой перманентный”, “мой константный”; ему же предоставляется величать её “моя легитимная”, кроме тех случаев, когда он называет её по имени. Когда надо снять нагар со свечей, она скажет: “Утри соплю этому катаральному светильнику”, или “Убери эти обскурантные наросты”, или “Проясни аспект пламени” <...>. Вместо крепкого бульона она попросит “тонизирующий экстракт”. Ломоть хлеба назовет “фрагментом”. Так как слово “капля” напоминает о дожде, холоде и тем самым о приступе подагры, она, вместо того чтобы попросить: “Дайте мне две капли вина”, скажет: “Дайте мне подагру воды” или “Дайте мне две подагры вина»»³.

Лингвистические инновации, которые Сомез и Мольер приписывали прециозницам, а позднейшие комментаторы воспринимали как яркий пример барочной культуры, нельзя считать беспрецедентными: в европейской культуре мы оказываемся свидетелями весьма похожего экспериментирования ещё за пять веков до прециозниц в случае с Абельяром и Элоизой. Каноник из лотарингского Туля, Уг Метел, в своём письме к Элоизе (датируется периодом 1131–1135 гг.) так описывает её стиль: «Ты превзошла женский пол. И как же? Занимаясь письмом, слагая стихи, давая обычным словам новый смысл благодаря смелым ассоциациям»⁴. Последняя фраза весьма важна для понимания прециозных экспериментов с языком: женщины, не имевшие доступа в сферы

официального мужского образования и не имевшие навыков филологического комментирования текстов и их создания, оказывались перед необходимостью создавать свою альтернативную риторiku, которая базировалась на иных основаниях, нежели мужская, развившаяся на риторических трактатах Аристотеля, Цицерона и Квинтилиана и упражнениях *progymnasmata*. Салоны были вотчиной дам, и неизбежно даже те интеллектуалы, которые владели традиционными стратегиями оформления мысли и текста, были вынуждены менять строй дискурсивных практик при их посещении, свидетельством чему оказывается реплика известного французского литератора и учёного Жиля Менажа по поводу представления мольеровской пьесы 18 ноября 1659 г.: «Я был на первом представлении “Смешных прециозниц” г-на Мольера в Пти-Бурбоне. Там была и м-ль де Рамбуйе, и г-жа де Гриньян, и весь Отель Рамбуйе, и г-н де Шаплен, и многие из моих знакомцев. Пьесе все аплодировали, я же лично был настолько потрясён, что до сих пор переживаю последствия, ею произведённые. На выходе из Комедии я взял за руку г-на Шаплена (с такими словами. – А. Г.): “Мой господин, мы же все, и Вы, и я, мы же поняли всё про те глупости, которые были в ней высмеяны, но, поверьте мне, я бы желал вспомнить здесь слова Святого Ремигия, обращённые к Хлодвигу: «Нам следует сжечь то, чему мы поклонялись, и поклоняться тому, что сожгли»». Всё случилось именно так, как я предупредил, и уже после того первого представления мы отошли от галиматъи и напыщенного стиля»⁵. Система ценностей и проповедуемые прециозницами взгляды касательно правил поведения и языкового общения (оценённые Менажем как «галиматъя» и «напыщенный стиль») оставались предметом дискуссии в течение всей второй половины XVII в. (напомним, что создание текста *Menagiana* приходится на конец 1680-х – начало 1690-х гг.). Само указание Менажа, писавшего стихотворения на четырёх языках и издавшего основательные филологические труды вроде французского «Этимологического словаря», на то, что лингвистические стратегии прециозниц ему дороги, имеет большое значение. Мы можем говорить о том, что именно салонное общение во многом сформировало его индивидуальность, да и показное отрицание прециозных ценностей сопровождается знаковой ремаркой о том, что он продолжает их почитать.

На каких основаниях строилась прециозная «галиматъя», к которой без труда обращались как девицы без полноценной риторической подготовки, так и почтенные «педанты»? Как думается, мы оказываемся свидетелями повышенного внимания к инвентивному потенциалу метафоры, причём в традиционном аристотелевском понимании. Напомним, что Стагирит в небольшом параграфе «Поэтики» под названием «Разновидности имён» трактует метафору как отмеченное сдвигом смысла «несвойственное имя». Согласно «Поэтике», метафора ценна не сама по себе, но необходима для создания «выражения ясного, но не банального». Наиболее продуктивной

моделью создания метафор оказывается аналогия, которая в «Риторике» Аристотелем определяется как наиболее предпочитаемая для речи оратора: «Нужно употреблять в речи подходящие эпитеты и метафоры, а этого можно достигнуть с помощью аналогии; в противном случае (метафора и эпитет. – А. Г.) покажутся неподходящими, вследствие того, что противоположность двух понятий наиболее ясна в том случае, когда эти понятия стоят рядом»⁶. Путь построения метафоры в данном случае оказывается наиболее сложным, а её расшифровка для воспринимающего требует значительно большего когнитивного соответствия с автором. Аналогия строится на выскивании отношений между двумя рядами имён, обозначающих произвольные предметы, которые оказываются причудливо сопоставленными не в силу очевидного поверхностного сродства (как в случае родовидовых корреляций), но по причине типологического сходства прагматического функционирования. Вот как в уже цитированной выше части «Поэтики» Аристотель описывает эту разновидность метафоры: «А “по аналогии” – здесь я имею в виду <тот случай>, когда второе так относится к первому, как четвёртое к третьему, и поэтому <писатель> может сказать вместо второго четвёртое или вместо четвёртого второе»⁷. Широко известны аристотелевские примеры такого употребления: поскольку чаша относится к Дионису так же, как щит к Аресу, оказывается возможным чашу именовать «щитом Диониса», а меч – «чашей Ареса».

Заметим, что такая политика в целом вписывается в утверждавшуюся на Западе, по крайней мере, с эпохи Торквато Тассо, рецептивную схему «изумления», когда на первый план выходит не столько сообщение информации, сколько производимый этим сообщением эффект. Тассо обучался в 1560-х гг. в Падуе у Спероне Сперони и был буквально одержим Аристотелем; в 4-й книге «Рассуждений о героической поэме» («Discorsi del poema eroico», 1594) он вводит понятие «*meraviglia*» – «изумление», которое становится основанием новой эстетики, согласно принципам которой эпическая поэма (а именно она в центре осмысления) должна вызывать у читателя интеллектуальное удовольствие, основанное на удивлении и шоке; Тассо, трактуя воображение как эффект разума, легализует фактически использование манипулятивных ораторских стратегий в поэзии.

Средства создания эффекта «удивления» стали объектом пристального анализа в течение первой половины XVII в. Испанский писатель и философ Бальтасар Грасиан в своём трактате «Остроумие, или Искусство изощрённого ума» («*Agudeza y arte de ingenio*», 1642) рассматривал «соответствия и аналогии» в качестве первого и наиболее распространённого вида остроумия (или остроумия, состоящего в «изящном сочетании, в гармоническом сопоставлении двух или трёх далёких понятий, связанных единым актом разума»⁸). Аристотелевский принцип метафоры лёг в основу не только теории «остроумия» Грасиана (1642), но также «концепта» Камилло Пеллегрини (1598),

«пуанта» Матея Казимира Сарбевского (1626) или силлогистического «*ingegno*» Матео Перегрини (1639). Заметим, что сочинения всех указанных теоретиков метафоры были широко известны во Франции в описываемый период.

Ни Мольер, ни Сомез не вскрывают, тем не менее, методологии учения прециозницы, однако детальное описание такой скрытой от глаз публики интеллектуальной работы прециозницы можно найти в итальянском тексте, названном позднее одним из самых значительных трактатов барокко – «Подзорная труба Аристотеля» («*Il cannocchiale aristotelico*»), первое издание которого вышло в 1654 г., т. е. на пике активности кружка Мадлены де Скюдери. В данном тексте нам особенно интересны размышления по поводу механизма составления острот, определяемых таким образом: «Под остроумиями прежде понимали изысканные наименования, то есть переносные и метафорические употребления имён; потом стали понимать также и изысканные высказывания»⁹. Тезауро предлагает совокупность техник для неофитов (практика, чтение, размышление, систематизирование и подражание), которые можно рассматривать в качестве базы новой – названной впоследствии барочной – риторики; среди всех этих практик выделим размышление, при экспликации которого Тезауро вновь проговаривает сами глубинные механизмы метафоризации: «Размышление, сей вернейший точильный камень, самое тупое воображение заостряющий <...> уподобление родит метафору, а она есть мать всех остроумных концептов и всех символических острот»¹⁰.

Наибольший интерес представляет техника систематизации предварительного материала, из которого в нужный момент рождаются уподобления. Тезауро наставляет читателя таким образом: «А посему, друг мой читатель, заведи же себе тетрадь большого формата и обозначь в ней прозвания разделов по числу десяти <...> категорий. Запиши: сущность и девять категорий свойств: число, достоинство, связь, действие, чувство, местоположение, время, основание, обычай. Внутри каждого раздела особо выдели части и каждой дай сообразное название. А внутри каждой части тщись исчислить все предметы, к оной части принадлежащие»¹¹. Тезауро, таким образом, предлагает читателю своего рода машину для производства перифраз: внутри каждого раздела он располагает подразделы; категория «Число», например, включает такие: объём, протяжённость, численность, вес, оценка и количество. В дальнейшем необходимо уяснить свойства того объекта, метафору которому необходимо произвести. Тезауро приводит в пример карлика (малорослого), который отмечен «малостью», восходящим к выделенной в классификации категории «Число»; и теперь необходимо применить свойство малости к разным членам категории «Сущность». Таким образом, читатель сразу же открывает список всех образов, потенциально способных стать метафорой для обозначения карлика; скажем, «категория Малости» в отношении такой сущности, как «Люди», содержит

следующее перечисление: зародыш, недоносок, пигмей, карлик, ребёнок; мизинец, ноготь, волосок, зрачок, родинка, мелкая косточка щиколотки. Из списка животных в «категории Малости» наличествуют: муравей, блоха, мушиная лапка, пчелиное жало, комар, воробушек, рыбёшка из Арно, клещ, рыбы чешуйки, ящеричьи яйца, бабочкины гнёзда. Из сущностей растений: веточка, горчичное семя, зёрнышко, виноградина, мучная пыль, росток хлебной плесени, плодоножка боба, окончность рыбьей кости. Список, естественно, может быть чрезвычайно пространным, ибо сущностей Тезауро выделяет весьма значительное количество: наряду с перечисленными нами («Люди», «Растения», «Животные»), есть также «Науки», «Военные науки», «Зодчество», «Живопись и скульптура», «Механика», «Ремесло», «История» и др.

Используя приведённую методику, можно составить «рощи метафор», скажем, того же карлика. Используя примеры из свойства «Число» применительно к различным сущностям, его можно назвать урождённым Сундучком, Детской куклой, Сокращённым изложением, Человеком в аббревиатуре. Описанная весьма формализованная стратегия продуцирования метафор основывается на вполне классической методологии «общих мест» (*loci communes*), распространённой среди школяров ещё с античности и обрётшей свою вторую жизнь после выхода в свет в Виттенберге в 1521 г. «Общих мест теологии» («*Loci communes rerum theologiarum*») Филиппа Меланхтона, сподвижника Мартина Лютера. Примечательно, что если в антично-средневековом и протестантском узусах «общие места» служили исключительно методом систематизации знания и оказывались компендиумом примеров для дальнейшего использования в речи¹², то в изложении Тезауро они превратились в сложноустроенную классификацию объектов, предназначенную исключительно для целей лингвистических.

Программа метафоризации, разработанная Аристотелем, оказывается поразительно действенной, представленная им модель весьма проста в использовании, она позволяла оформить любую, даже бытовую, реплику по поэтическим принципам, не разворачивая её в пространный текст. Весьма логично возникает вопрос о том, насколько полученные уподобления понятны для публики, а также насколько они являются в действительности аналогиями, остаются ли очевидными связи между вторым и четвёртым, первым и третьим? Может ли слушатель мгновенно в процессе разговора оценить проведённые сопоставления и действительно ли он обнаруживает существующие связи

между теми объектами, которые сопоставляются в метафоре. Тот же вопрос возникает и применительно к прециозным языковым играм: насколько «наперсник Граций» является в действительности выражением найденного средства: зеркало – собеседник (наперсник) красивых девушек (Граций), а «удобство коммуникации» действительно апеллирует только лишь к стулу. Как думается, речь идёт уже не столько о поиске и нахождении связей между отдалёнными предметами, сколько о произведённом в дискурсе авторитарном назначении такой связи, в результате которой самый прозаический объект обыденности оказывается принадлежащим сфере чистого эстетизма. При этом, если Аристотель не сомневался в необходимости ясного стиля и рассматривал метафору в качестве суггестивного средства (тропа), предназначенного для того, чтобы захватить внимание собеседника, то в случае с прециозными экспериментами мы имеем дело с последовательным превращением средства в самоцель: именно Метафора становится конечной точкой проводимой прециозницами языковой стратегии, классифицированной позднее в качестве барочной.

Примечания

- ¹ Разумовская М. Литература барокко. Прециозность. Вольнодумная поэзия. Бытописательный роман // История зарубежной литературы XVII века / под ред. М. В. Разумовской. М., 2001. С. 64.
- ² Мокульский С. Формирование классицизма // История французской литературы : в 4 т. М. ; Л., 1946. Т. 1. С. 371–372.
- ³ Кеведа Ф. Культурная латиноболтовня // Испанская эстетика : Ренессанс. Барокко. Просвещение : сб. : пер. с исп. М., 1977. С. 144–145. (История эстетики в памятниках и документах)
- ⁴ Lobrichon G. Héloïse, l'amour et savoir. P., 2005. P. 100.
- ⁵ Menagiana, ou bons mots, rencontres agreables, pensées judicieuses et observations curieuses de M. Menage. Amsterdam, 1694. P. 251.
- ⁶ Аристотель. Поэтика. Риторика. М., 2000. С. 269.
- ⁷ Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч. : в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 667–668.
- ⁸ Грасиан Б. Остроумие, или Искусство изощрённого ума // Испанская эстетика : Ренессанс. Барокко. Просвещение. С. 175.
- ⁹ Тезауро Э. Подзорная труба Аристотеля. СПб., 2002. С. 9.
- ¹⁰ Там же. С. 81.
- ¹¹ Там же. С. 83.
- ¹² См.: Moss A. Les recueils de lieux communs : Apprendre à penser à la Renaissance. Genève, 1996. P. 24–55.

Образец для цитирования:

Голубков А. В. «Дьявольский жаргон французских прециозниц»: к вопросу о лингвистических стратегиях барокко // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 54–57. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-54-57.

Cite this article as:

Golubkov A. V. «Diabolic Parlance of French Precieuses»: to the Issue of the Baroque Linguistic Strategies. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 54–57 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7663-2017-17-1-54-57.